

28 октября в российском прокате стартует фильм Дэвида Финчера «Социальная сеть», рассказывающий историю создания вряд ли нуждающегося в представлении ресурса **Facebook**

, а также повествующий о конфликте его основателя Марка Цукерберга с коллегами и соперниками. Лента стала фаворитом критиков, кроме того, ей даже пророчат как минимум не одну номинацию на грядущем «Оскаре». По такому поводу

КиноПоиск

представляет своим посетителям интервью со сценаристом «Социальной сети» Аароном Соркиным.

— Давайте начнем с начала. Почему история рассказывается со стороны нескольких, противостоящих друг другу точек зрения?

— Ну, потому что так оно и было — несколько противоречащих друг другу точек зрения. И вместо того чтобы избрать одну из историй и решить для себя, которая на самом деле была истинной или просто наиболее интересной, я подумал, что будет очень круто драматизировать их всех сразу. Все эти точки зрения. И тем более такая манера повествования приемлема для традиционной кинобиографии, которую я и хотел написать.

— Какие исследования Вы провели?

— Прodelал столько, сколько было в моих силах. Было много честных и непосредственных бесед со многими персонажами, изображенными в фильме, а также и с теми людьми, кто стоял у истоков Facebook. Я не могу назвать свои источники, но эти беседы были продолжительны и детальны. Также они были примечательны тем, что восприятие событий в каждом случае оказалось различным. Изюминка фильма — в пересмотре событий, произошедших семь лет назад с двумя людьми в одной комнате. И даже сейчас эти два человека не сходятся в том, что произошло между ними тогда, после всех этих судебных исков, показаний и всяких урегулирований.

И я сделал все возможное, чтобы как можно точнее перенести на экран эти несогласия. Они и есть двигатель истории. Ведь посреди судебного процесса все иначе, отношение меняется, человек там уже не ведет себя так, как он бы вел себя при ссоре в комнате в общежитии, или на тематической вечеринке, или когда подружка бросает, и, таким образом, личные интервью тут представляли просто неопишемую ценность.

Университетский блог Марка был неоценимо важен. Студенческая газета The Harvard Crimson тоже. Бен Мезрич очень, очень великодушно поделился со мной своим исследованием. Я никогда не видел книгу до того, как закончил текст, потому что он

писал ее в то же время, когда и создавался сценарий. Но его исследование было бесценно.

— Это моя цель — быть достаточно осведомленным, сведущим в таком количестве информации при всей ее противоречивости. Так что я мог быть детален, точен и даже, скажем, антропологичен в отношении всех этих людей, мест и событий. Потому что в первую очередь меня привлек эмоциональный размах того, что сделали эти дети, начиная с того, что придумали они в своей комнате в гарвардском общежитии. И я хотел воздать должное их истории.

— **Вы сразу открыли для себя такое структурное решение?**

— Поначалу я был растерян, потому что думал: «Ни фига себе, там же даже два человека не рассказывают одну и ту же историю». Но потом понял: «Стоп, так это же отлично. В этом направлении и буду двигаться». Так что я все сделал по способу параллельных показаний на суде. Не только различные версии правды драматизировались, но и я был в состоянии сложить все факты в одну комнату и столкнуть Марка лицом к лицу со всеми его обвинителями.

— **Как только вы нашли структурный способ, приводивший драму в действие, как вы определились с тематикой?**

— Я долго не определялся, и это нормально для меня. Тема не была для меня так очевидна, пока текст еще писался. Когда я начинаю писать, то не сразу же думаю о теме. Я думаю о карданном вале этого киноавтомобиля: в чем заключается сюжет, в чем движущая сила, в чем же может быть заговоздка, где все начинается, а где и заканчивается, какой путь предстоит нам между этими двумя пунктами. Позднее, в процессе, темы сами обнаруживают себя. Далее, когда вы работаете над отладкой сценария, то привносите эти темы в его рельеф, и они становятся частью фильма. Кажется, я уже как-то это говорил: тогда я открыл, что структура в данной картине сама по себе и есть способ драматизации описываемых событий, она в каком-то смысле говорит, что ни один человек не является истиной в последней инстанции. Я разработал структурную манеру, заключающуюся в практическом и техническом способе рассказывания истории, и потом уже я нашел способ раскрытия главной темы и персонажей.

— **Какую цель преследует Марк в фильме?**

— Переизобретение, перепроектирование, создание идеализированного себя — эти

идеи составляют большую часть того, что представляет Facebook для нынешнего культурного слоя. И они же - большая часть того же, на мой взгляд, о чем и говорит фильм. Марк хочет создать себя заново. Большую часть фильма он хочет переделать себя, как и Шон Паркер. Шон был ботаником в школе и взрослым превратился в ловкого дельца, который вольготно чувствует себя в ночных клубах, на встречах с несдержанными бизнесменами, он дамский угодник. Марк хочет быть в состоянии так же переделать самого себя, но любой, кто пользуется социальными сетями, любой, кто пользуется интернетом, знает, что вы можете сидеть в комнате перед компьютером и там создавать свой образ, и необязательно при этом быть такой персоной, каких вы не перевариваете в реальной жизни.

— Главная вещь, привлекающая людей в интернете, Марка в том числе, — это анонимность и возможность переиначить собственную персону. Как сценарист, я хотел бы, чтобы все думали, что я так же смекалист и умен, как мои герои, о которых я писал. Но я не такой. Но поэтому-то мне не трудно понять, что притягивает людей в этих сетях. Они хотят переписать и отполировать себя перед тем, как нажмут кнопку «опубликовать».

— **Очевидно, что «Расемон» стал, в каком-то смысле, образцом для вашего фильма. Это же один из первых фильмов, структура сценария которого не говорит нам о том, что действительно произошло, и правда скрыта под различными перспективами видения определенных событий самой истории.**

— «Расемон», конечно, в каком-то роде для нас эталон и мы о нем часто говорили с Дэвидом «Все о Еве» также отличный пример — сценарий там блестящий. Но, знаете, я вырос любя судебные драмы, они у меня в крови, можно сказать. Первый мой сценарий был судебной драмой. В любом фильме этого жанра есть несколько различных версий истории, и потому постоянно передумываете насчет верности слов того или иного персонажа. По совпадению не так давно я смотрел «12 разгневанных мужчин», которых как раз не видел долгое время, и подумал, что это тот фильм, который мы и сделали, только назвать его стоило бы «Пять разгневанных мужчин».

— В случае с «Социальной сетью» мы взяли факты и сделали наиболее оптимальную в своей правдивости версию. Точнее, там три таких правды. Это не одна правдивая история, а сразу три, которые огибают друг друга и сплетаются между собой. Если вы думаете о тех точках зрения, что не участвуют в общем диспуте, но с которыми вам придется соприкоснуться, то мы и их присоединили к общему и сделали из этого фильм. Посредником между этими точками выступают: а) персонажи; б) тот факт, когда вы решаете, где на самом деле кроется истина. Мы не говорим вам: "Вот единственная правда!". Мы бросаем сразу горсть истин. Все их изъявители дали присягу, представляя сторону истцов, и над каждым нависла угроза лжесвидетельства, и все это происходит в погоне за некоей большой, внесудебной уже правдой.

— Я думаю, это прекрасный повод для размышлений, потому что в этой истории столько всего спорного, и потому Facebook и сам Марк говорят, что фильм — вымысел. Но я не хочу отвечать на этот вопрос другим: «Ну, так, а кто точно может сказать, что правда?».

Потому что мы можем ответить на него. В «Социальной сети» нет ничего, чтобы заявлялось как факт и при этом не являлось им на самом деле. Вещи, о которых мы там рассказываем, — это факты, просто факты.

— Можете взглянуть на любой фильм, который считается отличной картиной, основанной на реальных событиях, «Вся президентская рать» ли это, «Список Шиндлера», «Собачий полдень», «Свой человек» или «Королева». События в них — как спасательные буи на волнах из общепризнанно имевших место событий, и сценарист плавает от одного к другому.

— Питер Морган не имел понятия, что за разговор имел место между королевой и ее мужем — никто же об этом не знает. Но у него был некий набор фактов, который он потом переработал, став сценаристом. Я недавно читал статью в New York Times о мемуарах Тони Блэра про тот эпизод, в котором он описывает свой приватный разговор с королевой, практически идентичный со сценой в фильме. В мемуарах Блэра королева говорит Тони: «Вы мой десятый премьер-министр, мистер Блэр. Первым был Уинстон Черчилль. Это произошло до того, как вы родились». В фильме королева говорит Блэру: «Вы мой десятый премьер-министр. Первым был Уинстон Черчилль». Но Питер Морган выдумал эту сцену для фильма. Она полностью вымышлена, а Блэр утверждает, что никогда не видел этот фильм. Забавно, конечно, что во время выхода ленты Блэр пустился во все тяжкие, чтобы назвать ленту вымыслом.

— **Вы хотели написать фильм такого же типа?**

— Я уважаю упомянутые ленты и очень хотел, чтобы «Социальная сеть» продолжила их традицию. Конечно же, они есть мои точки отсчета, от которых я отталкивался. Но реально я понял масштаб свалившейся на меня возможности только когда больше углубился в предмет и обнаружил, что в общем и целом это уникальный шанс написать такой гиперсовременный классический американский фильм. Этот сюжет обо всех основных американских темах, о которых я только мог надеяться написать: справедливость, власть, классовые различия, деньги, жадность, одиночество, предательство, возмездие, американская мечта, прощение. Это был шанс для меня охватить все эти темы классического американского кино, но вложить их в суперсовременный и аутентичный контекст. Суть фильма — не более и не менее как наша версия прозы Горацио Элджера, специализировавшегося на теме «из грязи в князи». Но здесь персонажем стал паренек, который проходит путь от хакера до генерального директора компании. Он одинокий ребенок в комнате общежития, с таким анархистским инстинктом, и за очень короткое время он становится в мире важной фигурой. Это и есть современный мир — мир, в котором мы живем прямо сейчас. Для писателя подобная возможность — просто мечта, и я даже не уверен, что точно понял, чем была для меня данная работа, пока был вовлечен в нее.

Как, по-вашему, Марк — герой?

— Скорее антигерой, который под конец ленты становится трагическим персонажем, потому что на протяжении действия он расплачивается за все, и я верю, что он испытывает огромное раскаяние. Он потерял своего лучшего друга, возможно, даже единственного. Для всего мира теперь он (не только судя по фильму, но и по каждой статье, что вы читаете о нем, с каждым интервью Диане Сойер или Лесли Сталь) определенно не герой. Скорее такой неуклюжий парень, который заглядывает далеко в будущее, чтобы существовать в настоящем. От этого я и отталкивался. Никому не нравится 26-летний миллиардер. Это та цена, которую заплатил Марк. Он заплатил цену, потеряв лучшего друга, и я верю, в конце фильма, особенно когда он пытается «подружиться» с Эрикой, он чувствует раскаяние и пытается, если только может, собрать все куски заново. И на некоем уровне он все равно знает, что не может.

— Итак, все-таки этот фильм говорит о том, что главное — это идея, видение?

— Думаю, наоборот. Я верю, что реализация берет верх над остальным. У людей есть идеи всю жизнь, они над ними думают все время. Например, вы можете сказать, что хотите написать сценарий фильма о «Фейсбуке». Но действительно это сделать — не то же самое.